

Сергеенко Петр Алексеевич

**Как живет и работает гр. Л.Н.
Толстой**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Алексеевич С.**
Как живет и работает гр. Л.Н. Толстой / Сергеенко Петр Алексеевич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 164 с.

ISBN 978-5-519-85440-5

ISBN 978-5-519-85440-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Зимой 1892 года, часовъ около четырехъ дня, я сидѣлъ у моихъ знакомыхъ А-выхъ, пріѣхавшихъ наканунѣ въ Москву изъ своего южнаго имѣнія. Кромѣ меня было еще нѣсколько человѣкъ гостей, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ и оживленно бесѣдовавшихъ объ одномъ изъ послѣднихъ произведсній Льва Толстого.

На дворѣ моросилъ снѣгъ, и въ комнату начали надвигаться сумерки.

Въ самый разгаръ бесѣды въ комнату вошелъ средняго роста худощавый старикъ, съ типическимъ лицомъ русскаго крестьянина. Онъ былъ въ овчинномъ полушубкѣ и валенкахъ. Пришедшій сказалъ «здравствуйте» и, снявъ съ головы войлочную шапку, началъ расшнуровывать на шеѣ шерстяной шарфъ.

Отъ стола, за которымъ мы сидѣли, было видно плохо до двери, и А-вы съ любопытнымъ недоумѣніемъ вглядывались въ пришедшаго.

Вдругъ лицо хозяйки оживилось радостью, и она сказала парасильвѣ:

— Левъ Николаевичъ!
Здравствуйте...

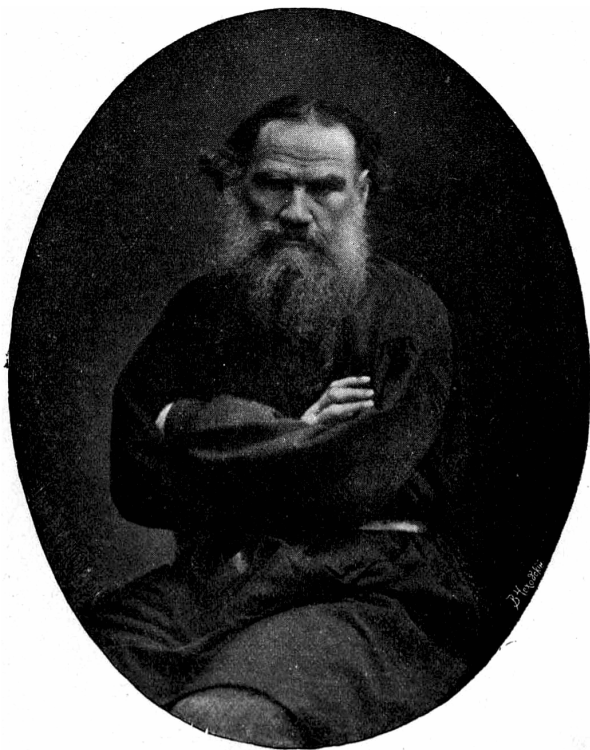
Все поднялись.

Это былъ гр. Л. Н. Толстой.

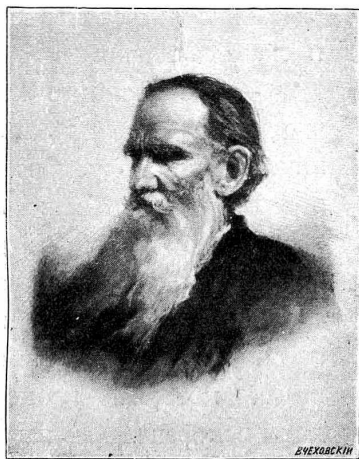
Онъ развязалъ шарфъ и быстрымъ, молодымъ движеніемъ скинулъ съ себя полущубокъ, отыскивая острыми глазами, гдѣ бы его положить.

Я впервые видѣлъ Л. Н. Толстого и невольно приковался къ нему взглядомъ. Онъ былъ въ темно-сѣрой фланелевой блузѣ съ отложнымъ просторнымъ воротомъ, открывавшимъ при поворотахъ головы жилистую шею. Отъ быстрой ходьбы на морозномъ воздухѣ онъ дышалъ учащенно, и его сѣдые волосы спутались на вискахъ влажными космами. Онъ имѣлъ бодрый, оживленный видъ, держался прямо и двигался быстрыми, мелкими шагами, почти не сгибая колѣнъ, что напоминало движенія человѣка, скользяшаго по льду. Онъ казался не моложе и не старше своихъ лѣтъ (тогда ему было 64 г.) и производилъ впечатлѣніе хорошо сохранившагося, энер-

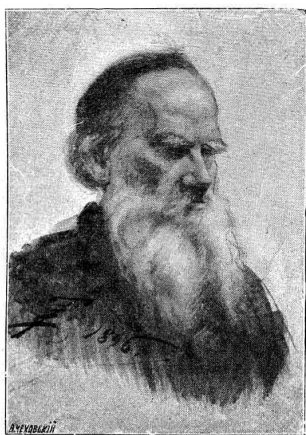

личнаго крестьянина. И лицо у него было крестьянское: простое, деревенское, съ широкимъ носомъ, обвѣтренной кожей и густыми нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ зорко выглядывали синевато-сѣрые, острые глаза.

Но выраженіе глазъ его было необыкновенно и невольно привлекало вниманіе. Въ нихъ какъ бы сконцентрировались всѣ яркія особенности толстовской личности. И кто не видѣлъ, какъ вспыхиваютъ и загораются эти глаза, какъ они пріобрѣтаютъ вдругъ какой-то сверлящій и пронизывающій характеръ, тотъ

Съ портрета работы Н. Левицкаго
(1895 г.).

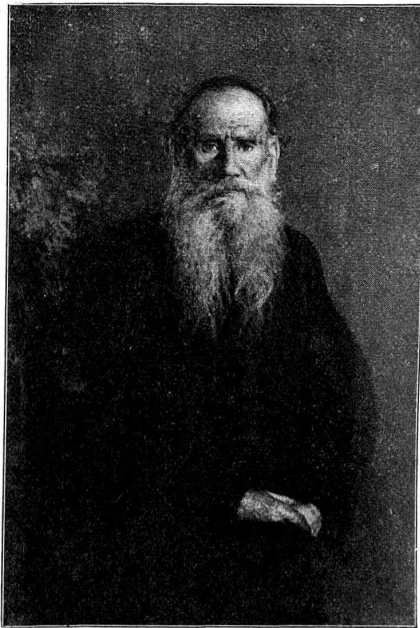
Съ портрета, рисован. гр. Тат. Л.
Толстой (1896 г.).

не можетъ имѣть полнаго представленія о личности Л. Н. Толстого.

Большинство портретовъ хотя и довольно вѣрно передаетъ его типическія черты, и по нимъ сразу можно узнать Л. Н. Толстого, но ни одинъ изъ нихъ, однако, не даетъ яркаго понятія о сердцевинѣ его личности, не передаетъ тѣхъ, скрытыхъ въ человѣкѣ свѣтовыхъ источниковъ, которые, отражаясь въ извѣстные моменты на лицѣ, окрашиваютъ его свѣтомъ внутренней жизни. Недостатокъ этотъ на портретахъ Л. Н. Толстого долженъ быть занесенъ отчасти и на его счетъ. По свойствамъ своей живой, нервной, нетерпѣливой натуры онъ представляетъ трудную задачу для художника. Художникъ

долженъ *носить въ себѣ* извѣстное запечатлѣнное выраженіе, а не искать его еще разъ во время самой работы.

Повѣсивъ полушубокъ, Л. Н. Толстой направился къ намъ и начать здороваться. Несмотря на его скромную одежду, въ Львѣ Николаевичѣ сейчасъ же чувствовался, однако, человѣкъ высшаго круга: хорошо воспитанный, съ выработанными, непринужденными манерами.

Съ портрета раб. Н. Ярошенко (1894 г.).

Насъ познакомили.

Л. Н. Толстой слегка наклонился, какъ бы стараясь взглянуть въ лицо, и сказалъ мягко:

— Вы извините меня, что я не отвѣтилъ вамъ ничего по поводу присланной вами статьи вашей.

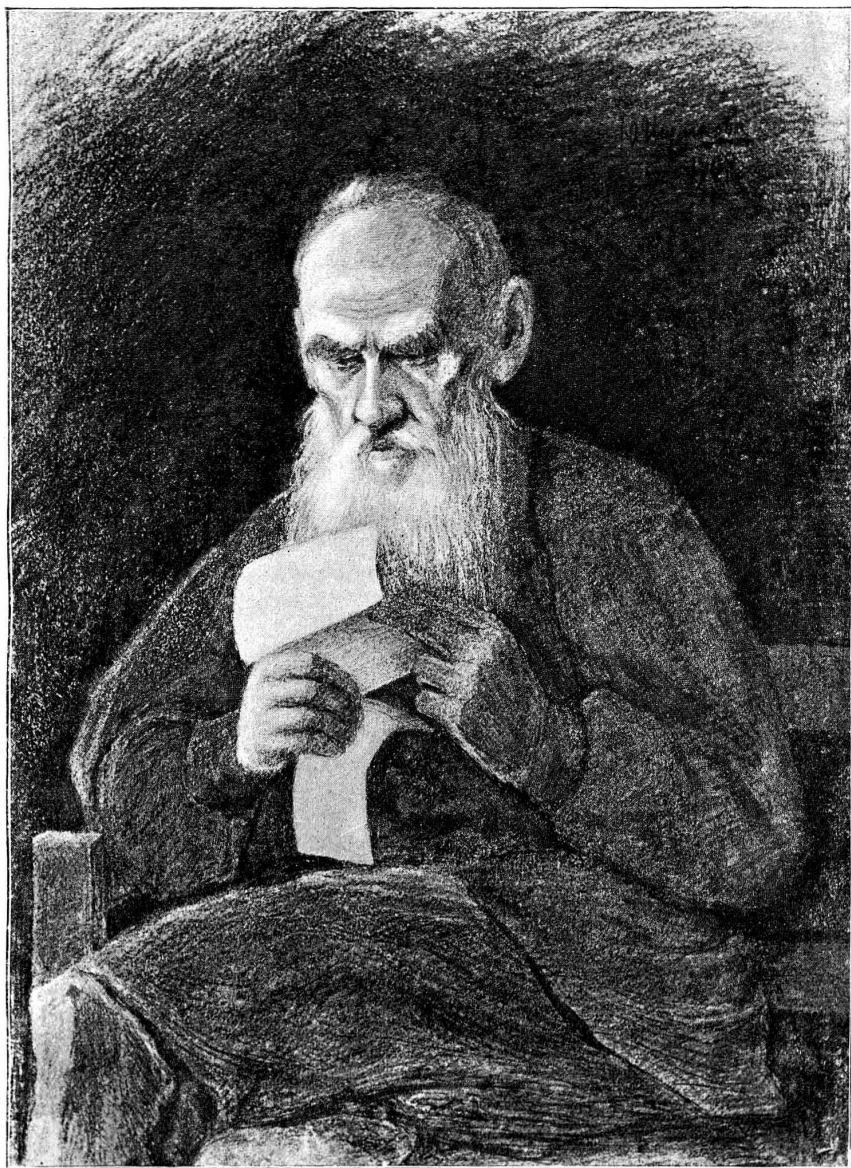
Предъ этимъ за нѣсколько мѣсяцевъ я послалъ Л. Н. Толстому мою статью объ одномъ священникѣ, который проповѣдями искоренялъ въ народѣ пьянство.

При этомъ я написалъ Льву Николаевичу нѣсколько строкъ о симпатичной личности священника. Меня пріятно удивило, что онъ

не забылъ при своихъ обширныхъ занятіяхъ ни моего ничтожнаго труда ни моей фамиліи. И я сказалъ:

— Вѣроятно, у васъ были причины на это.

— Да, да, вы правы, — отвѣтилъ онъ, садясь и указывая мнѣ мѣсто около себя. — По вопросу, который вы затронули въ вашей статьѣ, надо говорить очень много. Времени же у меня тогда не было, и я рѣшилъ по пріѣздѣ въ Москву какъ-нибудь зайти къ вамъ и побесѣдовать.

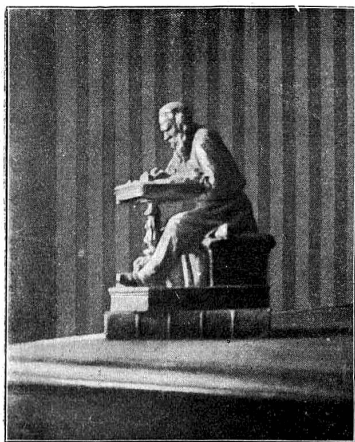

Съ портрета, рисов. Ю. И. Игумновой (1901 г.).

И, взявши въ руку лежавшій на столѣ карандашъ и быстро завертѣвъ его въ своихъ пальцахъ, Левъ Николаевичъ свободно заговорилъ о томъ, что меня тогда наиболѣе интересовало. Говорилъ онъ непринужденно, дѣльно и образно, тѣмъ же богатымъ колоритнымъ языкомъ, какимъ пишетъ, легко аргументируя и легко разбираясь въ самыхъ сложныхъ положеніяхъ. Возражать ему было трудно. Въ его распоряженіи находился какъ бы цѣлый арсеналъ яркихъ, смѣлыхъ, оригинальныхъ и совершенно неожиданныхъ аргументовъ съ мѣткими сравненіями и юмористическими вставками, вызывавшими невольный смѣхъ. Но съ нѣкоторыми изъ его положеній я все-таки ни-

какъ не могъ согласиться и пробовалъ возражать. Онъ, не переставая вертѣть карандашъ, налету разбивалъ мои возраженія и поспѣшно выдвигалъ свои, отличавшіяся находчивостью, силою и страстностью. Разговоръ, наконецъ, сдѣлался общимъ и перешелъ на другія темы.

Гостиничный слуга принесъ кипѣвшій самоваръ. Г-жа А-ва предложила Льву Николаевичу чаю. Но онъ категорически отказался и бросилъ недружелюбный взглядъ на батарею ба-

Л. Н. Толстой.

Статуэтка раб. И. Гинцбурга (1891 г.)

нокъ съ вареньемъ, стоявшихъ на столѣ; затѣмъ перенесъ свой взглядъ на привѣтливое лицо хозяйки, и его суровыя черты смягчились. Онъ дружескимъ тономъ заговорилъ объ ея работахъ изъ шерсти (во время бесѣды она приготовляла пряжу) и о вегетарианской кухнѣ, которую А-ва проектировала устроить въ Москвѣ. Встрѣтившись съ моимъ взглядомъ, Левъ Николаевичъ началъ говорить о преимуществахъ растительной пищи и совѣтовать мнѣ перестать ѣсть мясо; потомъ онъ обратился къ А-ву по поводу новыхъ вѣяній въ области права (А-въ—юристъ-теоретикъ, погруженный въ юридическія науки), затѣмъ постепенно заговаривалъ съ каждымъ изъ присутствующихъ о томъ, что

наиболѣе интересовало ихъ, видимо боясь, какъ бы не пропустить кого-нибудь своимъ вниманіемъ.

Рѣчь зашла объ одномъ изъ его сыновей, который въ то время подыскивалъ себѣ имѣніе для покупки. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ:

— Левъ Николаевичъ, скажите вашему сыну, когда онъ остановится на какомъ-нибудь имѣніи, чтобы онъ обратился ко мнѣ. Я дамъ ему необходимыя указанія, иначе онъ можетъ надѣлать своего рода глупостей...

Л. Н. Толстой сдвинулъ плечами.

— Зачѣмъ мѣшать ему? Чѣмъ больше онъ надѣлаетъ глупостей, тѣмъ для него же лучше.

Я не понялъ смысла этихъ словъ и спросилъ:

— Почему же для него это будетъ лучше?

— Потому, что чѣмъ онъ раньше набьетъ оскомину на имѣніяхъ и убѣдится, наконецъ, на личномъ опытѣ, что ничего хорошаго изъ этого не выходитъ, тѣмъ скорѣе придетъ къ пониманію того, что землю можно имѣть только тому, кто самъ обрабатываетъ ее.

— Хорошо, если такъ выйдетъ, — замѣтилъ я. — Но не всегда неудачи ведутъ насъ прямо къ истинѣ. Иногда онѣ только озлобляютъ человѣка и искажаютъ его характеръ.

Изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей Л. Н. Толстого сверкнулъ острый взглядъ.

— Мой сынъ находится не на такой дорогѣ, — отрывисто произнесъ онъ.

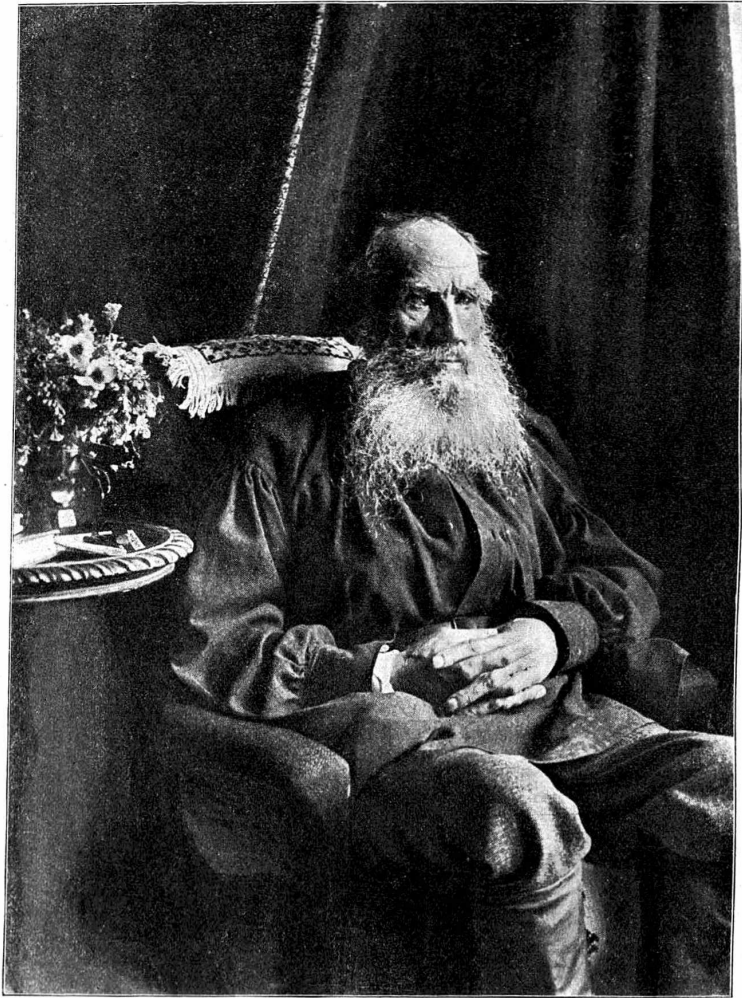
И мнѣ показалось, что между нами надвинулась какая-то тѣнь.

Исчерпавъ вопросъ о покупкѣ имѣнія, Левъ Николаевичъ положилъ карандашъ на столъ и сложилъ руки — пальцы между пальцами. Его нависшія брови опустились еще ниже и лицо приняло замкнутое выраженіе. Бесѣда, видимо, утомила его, и онъ только изъ учтивости дослушивалъ своего собесѣдника. Когда тотъ кончилъ, Л. Н. спросилъ, который часъ, и поднялся.

Но предъ его уходомъ произошелъ характерный эпизодъ. Въ разговорѣ съ однимъ изъ присутствующихъ Л. Н. упомя-

нулъ объ извѣстной книгѣ Берты Суттнеръ — *Долой оружіе!*
и сказалъ:

— Вы, конечно, читали эту книгу?

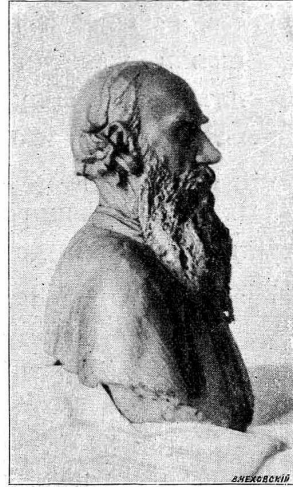
Собесѣдникъ утвердительно кивнулъ головою. Но, должно-
быть, его начала мучить совѣсть, что онъ сказалъ неправду
Льву Толстому, и, замывшись, онъ пробормоталъ:

— Левъ Николаевичъ, содержаніе книги *Долой оружіе!*
мнѣ дѣйствительно извѣстно... но самой книги я еще не читалъ.

Л. Н. Толстой замылъ разговоръ и началъ прощаться. Но мнѣ показалось, что его очень тронуло признаніе собесѣдника, и онъ вполне оцѣнилъ значеніе побѣды, которую тотъ одержалъ надъ собою.

Надѣвъ полушубокъ, Левъ Николаевичъ плотно застегнулся и, оправившись по-крестьянски—движеніемъ плечъ, началъ надѣвать и хвалить подаренныя ему г-жой А-вой варежки изъ козьей шерсти; затѣмъ сдѣлалъ общій поклонъ и ускореннымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

Онъ спѣшилъ домой, къ обѣду, и ему надо было пройти нѣсколько верстъ до Долго-Хамовническаго переулка, что на Дѣвичьемъ полѣ. На извозчикахъ Л. Н. не любитъ ѣздить и прибѣгаетъ къ нимъ только въ исключительныхъ случаяхъ.

Съ гипсового бюста работы
И. Рѣпина (1891 г.).

II.

Черезъ недѣлю послѣ моей первой встрѣчи съ Л. Н. Толстымъ я воспользовался его приглашеніемъ и часовъ около восьми вечера поѣхалъ вмѣстѣ съ А-выми въ Долго-Хамовническій переулокъ, гдѣ зимою живутъ Толстые. Они занимали отдѣльный двухъэтажный деревянный домъ, принадлежавшій тогда одному изъ сыновей Льва Николаевича, графу Льву Львовичу.

Небольшой двухъэтажный особнякъ, къ которому мы подъѣхали, стоялъ во дворѣ и выделялся темною массой на бѣловатомъ фонѣ стариннаго сада, усыпаннаго инеемъ. Внѣшняя парадная дверь и вторая съ тугой упругой пружиной не были заперты. По невѣдѣнію я оставилъ эту дверь, и она произвела оглушительный стукъ, на который вышелъ учтивый лакей во фракѣ и началъ снимать съ насъ верхнее платье.

А-вы отчасти знали порядки въ домѣ Толстыхъ и думали, что въ этотъ вечеръ, кромѣ насъ, никого не будетъ.

Но въ прихожей на вѣшалкѣ было много верхняго платья, а справа, на коникѣ и на подзеркальникѣ, пестрѣли всякаго рода шапки, шапочки и форменныя фуражки. Слуга учтиво спросилъ насъ, къ кому мы пожаловали—къ графу или графинѣ.

А-вы заявили, что къ графу. Слуга доложилъ о насъ и черезъ минуту вернулся съ приглашеніемъ отъ графа.

На площадкѣ широкой лѣстницы съ однимъ загибомъ насъ встрѣтила одна изъ дочерей Льва Николаевича. Она непринужденно, какъ съ хорошими знакомыми, поздоровалась съ нами и повела чрезъ большой залъ, гдѣ сидѣло нѣсколько дамъ и мужчинъ. Изъ залы мы вошли въ узкій коридоръ, спустились на нѣсколько ступеней и очутились въ небольшой низкой комнатѣ съ желѣзною трубой, тянувшеюся подъ потолкомъ. Устройство этой трубы принадлежитъ одному изъ знакомыхъ Л. Толстого; особенность ея заключается въ томъ, что она при помощи одной лампы отлично вентилируетъ и отчасти согреваетъ рабочій кабинетъ.

Левъ Николаевичъ сидѣлъ у небольшого письменнаго стола, поджавъ подъ себя ногу, и что-то писалъ при свѣчѣ. При нашемъ появленіи онъ всталъ и началъ привѣтливо здороваться, поднимая иногда высоко руку и мягкимъ движеніемъ опуская ее; затѣмъ онъ усадилъ насъ и заговорилъ о лежавшей передъ нимъ раскрытой книгѣ, которую онъ читалъ послѣ обѣда. Это была новая французская книга о социальныхъ вопросахъ. Она нравилась ему по слогу и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мыслямъ, но въ общемъ не удовлетворяла его. И онъ началъ пояснять, почему именно она не удовлетворяетъ его.

Въ кабинетѣ отъ одной свѣчи было темновато, и углы тонули въ сумракѣ. Я невольно, окидывая взглядомъ комнату, гдѣ возникло и создалось столько безсмертныхъ образовъ.

Это была небольшая, почти квадратная комната безъ всякихъ украшеній, съ низкимъ потолкомъ и широкими окнами, выходившими въ садъ. Возлѣ одного окна стоялъ небольшой простенькій столъ съ бумагами и книжный шкафъ наполовину пустой.